

ПОНЯТИЯ «ИСТИННОГО» И «ЛОЖНОГО» У ГОМЕРА

В статье рассматривается оппозиция истинного и ложного как проблема осевого времени. Исследуя истоки этой проблемы, автор обращается к произведениям Гомера. Показывается, как в ходе исторического разделения и противопоставления истинного и ложного ускользает и предается забвению та начальная и существенная связь между ними, на которую указывает раннегреческий термин «алетейя».

Ключевые слова: истина, ложь, алетейя, право, правда, забвение, осевое время, Гомер.

Если бы мы прямо спросили себя, о чем мы думаем, произнося слово «истина», мы тотчас столкнулись бы со множеством путаных «мнений», да и просто с общей растерянностью.

М. Хайдеггер

Вводя понятие *осевого времени* и характеризуя его как период «пробуждения собственно человеческого духа» и «расщепления духовной сферы», К. Ясперс не затронул проблемы разграничения истины и лжи. Между тем данное разграничение – необходимый элемент и даже условие такого расщепления. Пробудившаяся в человеке тяга к «подлинности», к «лучшей доле» и вместе с тем опыт грехопадения и пребывания в ложном¹ сформировали новый тип человека и особый способ экзистирования, основанный на самосознании и рефлексии. Именно в эту эпоху, по словам Ясперса, «были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день» [1, с. 33]. Прежде всего это относится к категориям *истинного* и *ложного*. Будучи едва ли не главным сюжетом перехода «от мифа к логосу», разделение истинных и ложных явлений с тех пор является важнейшим требованием современной культуры.

Между тем мифологическая культура еще не знала проблемы истины и лжи и потому не разводила их на уровне *понятий*. «Истинное» закреплялось традицией в форме *обычая*. При этом вымысел выступал в качестве действительности, а иллюзии переплетались с реальностью. Мышлением правила *докса*, а истина не отличалась от простого следования норме. Мифологическая культура была конституирована сознанием и ценностью *правила*, а не истины. Она покоилась на незыблемости завета и не искала парадоксальных истин, априори отбрасывая все опасные «может быть». В большей мере ее заботила проблема отступления от закона или обычая, морального совращения и религиозной нечестивости, нежели тема исти-

* © Разинов Ю.А., 2012

Разинов Юрий Анатольевич (razinov.u.a@gmail.com), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

¹ Латинское *falsum* (ложь) имеет общий корень с глаголом *fallere* (падать), что аналогично русскому, немецкому и английскому словообразованию, где ложь имеет в виду лежание (падение).

ны и заблуждения. Вместе с тем эта тема присутствовала в ней латентно, словно бы ожидая своего пробуждения. Категории истинного и ложного в своей *допонятийной* форме зарождались в семантическом слое традиционного права с его представлениями о справедливости и несправедливости, норме и преступлении. В раннем – предфилософском периоде греческой истории истинное и ложное еще не являлось прерогативой *суждения* и не ограничивалось одной лишь областью *мнения*. Характеризуя образы *действия*, истина и ложь указывали на нечто большее – на способ присутствия человека в мире, на бытие, либо «лежащее» в сокрытии, либо «стоящее» в откровении.

Показательно, что в произведениях Гомера и Гесиода термин «истина» в эпистемологическом, то есть в современном, смысле не употреблялся. То, что русские переводчики обозначают словами «истинно», «поистине», «воистину», на языке оригинала зачастую не содержит даже намека на то понятие истины, которое формируется с началом осевого времени. Рассмотрим это на нескольких типичных примерах из «Илиады» и «Одиссеи».

Во второй песне «Илиады» находим: «Истинно, множество славных дел Одиссей совершает» [2, II: 272]. Переведенное Н.И. Гнедичем как «истинно», слово *πόλοῖ* есть восклицание, выражающее в зависимости от контекста либо чувство разочарования («уввы»), либо изумления («удивительно», «странно») [3, с. 1034]. Поэтому более точный перевод этой фразы должен был бы звучать так: «Дивно, как множество славных дел Одиссей совершает». Для сравнения, в переводе В.В. Вересаева слово «истинно» заменено словом «право»: «Право, хоть тысячи доблестных дел Одиссей совершает» [4, II: 272]. Но и в этом случае отсылка к праву (правде) столь же избыточна, как и референция к истине.

То же самое можно сказать и о переводе В.В. Вересаевым стиха из одиннадцатой песни «Одиссеи», где говорится: «Поистине, Зевс протяженно гремющий издавна возненавидел потомков Атрея» [5, XXI: 436]. Употребленное Гомером слово *πόλοῖ* здесь уже служит для выражения другого чувства – сожаления или негодования («уввы!», «о ужас!», «о горе!»), а не *чувства истины*. Поэтому проще было бы перевести: «Увы! <...> возненавидел потомков Атрея» без излишнего акцента на слово «истина», которого здесь попросту нет. И таких примеров преждевременной отсылки к значениям истины и правды можно привести множество.

В эпизоде «Илиады», восхваляющем красоту Елены, читаем: «Истинно, вечным богиням она красотой подобна» [2, III: 158]. Но и здесь, как и в десятке других выражений, гордым словом «истина» маркирован лишь «служебный» термин. В данном случае это наречие *αἰνῶς*, имеющее значение «сильно», «очень», «весьма», «страшно». Таким образом, фраза *αἰνῶς ἀθανάτησι θεῆς εἰς ὄλα ἔοικεν* [6. Т. 1, III: 158] при более точном переводе могла бы звучать так: «Весьма на бессмертных богинь она красотой похожа».

Сравнительный анализ русских переводов с соответствующими фрагментами оригинала показывает, что в большинстве случаев за терминологией «истинности» скрываются определенные риторические фигуры, в частности, утвердительные обороты, предназначенные для усиления выражения, такие как «да», «так», «конечно», «именно», «именно так», «так точно», «в самом деле». Не ставя под сомнение достоинства переводов, заметим, что такие сравнительно поздние выражения, как «воистину» и «по правде», концепируют архаический гомеровский язык, так сказать, раньше времени. Вполне естественные для современного языка, они порождают более сложные семантические связи, нежели это предполагается выражениями типа «да, именно так».

Как простое употребление терминов «быть», «есть», «сущий» еще не указывает на концепцию *бытия*, так и выражения «вот именно» и «так точно» сами по себе еще не содержат понятия истины. Хотя, возможно, и стоило бы говорить о присутствии в языке неких *протоконцепций*. Пока же отметим, что утвердительные обороты: «именно», «конечно», «в самом деле» являются речевыми конвенциями по поводу того или иного явления в круге повседневности. Но сами по себе они не свидетельствуют о том особом и *привилегированном* статусе утверждаемого, какой имеется в виду, когда произносится слово «истина». Ведь очевидно, что истинно не всякое утверждение.

Но может быть, такой статус связан со словом «алетейя»?

Обычный перевод этого слова — «истина», хотя в своем исходном, *дофилософском* значении «алетейя» есть «несокрытость». Напомним, что именно это значение М. Хайдеггер считал *начальным*, но забытым «первозначением греческого понятия истины» [7, с. 137].

Термин ἀλήθεια и его словоформы в тексте «Илиады» встречаются значительно реже, чем в тексте «Одиссеи», что вполне объяснимо. Тема сокрытия и откровения, забвения и памяти — сквозная нить второго величайшего произведения Гомера. Однако и в том и в другом тексте «алетейя» еще не имеет того эпистемологического свойства, который закрепляет за ним философская традиция. У Гомера ἀλήθεια — синоним *откровенности*, но не в смысле некой моральной ценности — честности, добросовестности или справедливости, — для выражения которой греки чаще всего использовали термин δίκη, а в смысле *несокрытости информации*.

Когда царь Приам обращается к Гермесу с просьбой поведать о судьбе своего плененного сына, он просит всего лишь не утаивать действительное положение дел: «Друг, не сокрой от меня, умоляю, поведай мне правду» [2, XXIV: 407]. Хотя переводчик и употребляет здесь слово «правда», по-гречески это звучит несколько иначе: πᾶσαν ἀληθείην κατάλεξον [6. Т. 2, XXIV: 407] — «все без утайки поведай». Причем глагол κατάλεξον также имеет значение «перечисли», «изложи» (по порядку, подробно) [3, с. 674]. Это значит, что ἀλήθεια, переведенная в данном случае двумя словами — как «несокрытость» и как «правда», — имеет в виду довольно простой смысл. Это изложение, в котором *ничего не пропущено, не упущено, не забыто*.

В том же смысле слово «алетейя» употребляется в другом месте «Илиады», где Ахиллес, завершающий похороны Патрокла скачками своих воинов, назначает арбитром соревнований Феникса, о котором в переводе Гнедича сказано: «Старец божественный Феникс, отеческий оруженосец, / Сядет и бег наблюдает, и после им истину скажет» [2, XXIII: 360–361]. Слово «алетейя» в данном случае подразумевает *внимательность наблюдения*, в отсутствие которой тот или иной факт, деталь или фрагмент действительности ускользает со сцены сознания, заволакивается отгораживающим экраном и погружается в пучину забвения. В этой связи примечательна попытка Вересаева передать именно такой смысл термина «алетейя»: «Чтобы заезды он *помнил* и правду потом сообщил бы» (курсив мой. — Ю.Р.) [4, XXIII: 361]. По сути же ἀληθείην, переведенное здесь как «правда», означает «не пропустив», «не забыв», с тем явным отрицанием, которого нет в русских словах «истина» и «правда», но которое в греческом языке приобретает особый смысл, благодаря привативной ἄ.

Важно то, что ἄ-λήθεια есть *отрицательное* слово по отношению к λήθη, обычно переводимому как «забвение». При таком переводе «истина» буквально понимается как «незабвенность». Хайдеггер же переводит ἀλήθεια как «несокрытость», потому что само забвение мыслит в ракурсе сокрытости и сокрытия. Вместе с тем слово λήθη образовано от глагола λήθω со значением «избегать», «ускользать» [8,

с. 71]. Но тогда «алетейю» можно переводить и как «неускользаемость». Все эти значения: *несокренность, незабвенность и неускользаемость* – в равной мере мыслятся в «алетейе», придавая этому термину весьма специфический смысл. «Алетейя» – это модальность присутствия, в котором сущее не ускользает, не таится и таким образом не оказывается забытым. Грамматическая связанность ἀλήθεια и λήθη является указанием на то, что для древнегреческого сознания знать и усматривать, а лучше сказать, вы-сматривать истину – это в подчеркнутом смысле *помнить*.

Эта связь между *истиной* и *памятью*, с одной стороны, и *ложью* и *забвением*, с другой, столь прочно укоренена в древнегреческой языковой традиции, что даже Платон понимает движение к истине как *припоминание* (анамнесис). Поэтому, когда Хайдеггер интерпретирует ἀλήθεια из противоположного ей λήθη, он лишь пытается восстановить исходный смысл понятия истины. Истина – это несокренность и незабвенность. Поэтому и само забвение (λήθη) трактуется им в смысле помрачения, возникающего вследствие скрывающего, заволакивающего экрана. Поводом для такой интерпретации становится седьмая Олимпийская ода Пиндара, свидетельствующая о λήθη как *смутном, никак не обозначенном облаке сокрытия* [9, с. 164, 174–175].

Таким образом, перевод ἀλήθεια терминами «истина» или «правда» не улавливает тот архаический слой значения, который еще присутствует в языке Гомера. У последнего «алетейя» подразумевает состояние бодрости или бдительности, благодаря которому видимое оказывается буквально *отринутым* от естественного соскальзывания в сферу сокрытия и забвения. Несокренность означает, что истинно сущее «здесь» – в фокусе ясного зрения, а не «там» – за отгораживающим экраном, оно не за-быто, то есть не за бытием. Поэтому «алетейя» в прямом смысле есть «не заставленность», «не экранированность», «не сокровенность». Этот апофатический план греческой «алетейи» начисто отсутствует в русских словах «истина», «правда», «откровенность».

Таким образом, требование «говорить не скрывая», вложенное в уста гомеровских героев, означает: не дать предмету речи или наблюдения соскользнуть в сферу сокрытого и тем самым удержать себя (свое сознание) при этом предмете. Речь об этом ведется так, словно бы помрачение и вместе с тем выталкивание из бытийной сферы в область забвения есть некая *постоянная возможность человеческого существования*. В этой связи отрицательная ἀ, «приклеенная» к слову истины, несет в себе важнейший смысловой оттенок. В ней как бы заложена инструкция по сопротивлению самой возможности соскальзывания (в) за-бытие. Разница между словами «несокренность» и «истина» в обычном понимании как раз и заключается в том, что последнее лишено энергии отрицания. Даже наоборот, оно несет энергию утверждения, присущую глаголу «есть»: истина – *естина* (В. Дадь) [10, с. 52].

Так же как русское слово «истина», латинское veritas, немецкое wahrheit и английское truth такого отрицания не содержат. «Алетейя» же не только является самим отрицанием, но и через это отрицание вступает в сущностную связь с отрицаемой «сокровенностью» (λήθη), а стало быть, со всей сферой противоположного себе ложного. Как пишет Хайдеггер, «мы имеем дело с загадочным фактом: у греков сущность ложности как бы налагает отпечаток на сущность истины» [9, с. 56].

Что еще следует из того, что слово для обозначения истины – «алетейя» – в русской транскрипции звучит как «не ложь»?

Она – не простая очевидность или достоверность. Напротив, она сохраняет свою принадлежность «той сфере, в которой совершается сокрытие и сокровенность»

[9, с. 48]. Но если всякое раскрытие осуществляется из этой сферы, то это значит, что ἀληθία фундирована λήθη.

Сущностная связь *сокрытого* и *несокрытого*, *истинного* и *ложного*, данная в самой грамматической форме слова «несокрытость», делает ранний греческий опыт истины чем-то весьма *зыбким* и *негарантированным*. Именно это свойство отличает раннегреческую «алетейю» от позднелатинской *veritas*, осмысленной в качестве *незыблемой достоверности*. Различие между «несокрытостью» и «достоверностью» — это различие в понимании самой природы сущего и способа его присутствия в нашем опыте. В конечном счете, это различие в том, *я* ли раскрываю сущее (в качестве объекта), или оно *само* открывается мне, делая меня собственно раскрывающим. Иными словами, разница состоит в том, принадлежит ли истина *мне* или *я* принадлежу истине.

Опыт отрицательности, запечатленный в слове «алетейя», указывает на то, что истинное в греческом понимании погружено в стихию ложного, из которого оно выхватывается в борении и отрицании. Истины мира вылавливаются из реки забвения (Леты), но всякий раз и ускользают в нее. Ранняя «алетейя» подобна зыбучему песку или же ретивому коню, не признающему упряжки. Поэтому даже Платон, несмотря на попытку захватить «алетейю» в упряжку идеи, все еще мыслит ее в качестве «божественного наития» (θεία ἄλη) [11, с. 658], иначе говоря, богоодержимости, граничащей с помешательством, где ἄλη означает «блуждание», «беспокойство», «помешательство» [3, с. 51].

Грамматическая и смысловая референция слова ἀλήθεια к забвению (λήθη) как форме сокрытия — свидетельство неустойчивой и нечеткой границы между истинным и ложным, сном и явью, памятью и забвением. Такое пограничное состояние знакомо каждому человеку. К примеру, если вместо «помнить» говорится «не забыть», то тем самым признается, что существо того, что мы помним, находится под гнетом забвения. Если вместо «бодрствовать» говорится «не спать», то это значит, что мы находимся во власти сна, что мы все еще на зыбкой границе между сном и реальностью. Поэтому засыпающий или едва проснувшийся человек не скажет о себе: «я бодр». Борющийся со сном, он скажет: «я не сплю». Точно так же забывчивый, не надеясь на свою «дырявую» память, всякий раз диктует себе: «не забыть», ибо само намерение *помнить* реализуется в установке *не забыть*. Мы, конечно, можем контролировать состояния бодрствования и памяти, но мы не можем контролировать сам переход ко сну и забвение.

Итак, мы полагаем, что именно этот опыт внезапного прозрения и столь же мало контролируемого замутнения, возникающий по причине божественного вмешательства или же всевластия «фюзис», лежит в основе греческой «алетейи». Греческое сознание с истиной обращается осторожно, так что можно было бы сказать, что «алетейя» — это истина-на-стороже. Поэтому перевод этого слова такими «катафатическими» терминами, как «правда», «добросовестность», «честность», не улавливает то зыбкое равновесие, которое архаическое сознание устанавливает между мирами сокрытого и несокрытого.

В указанном смысле «алетейя» подобна весам, нарушение равновесия которых опрокидывает явление в сферу ψεῦδος (ложного). Весы устанавливают меру вещей — меру того, что есть вещь по отношению к другой вещи. Когда же эта мера нарушена и вещь оказывается под знаком «псевдо», мы говорим о «погрешности», о «подлоге», о том, что весы «врут», «фальшивят» (от лат. *falsum* — ложь).

В этой связи показателен случай, пожалуй, самого необычного употребления термина ἀλήθεια, с которым не справляется ни один перевод. Восхищаясь стойкостью ахейцев у стен Трои, Гомер говорит: ἀλλ' ἔχον ὥς τε τάλαντα γυνὴ χερνῆτις ἀληθῆς [6,

Т. 1 XII: 433]. В переводе Гнедича это звучит так: «...держались ровно они, как весы у жены, рукодельницы честной» [2, XII: 432–433]. Вересаев же, который, по собственному признанию, старался далеко не уходить от перевода своего предшественника, построил эту фразу иначе: «Ровно стояли враги, как весы добросовестной пряжи» [4, XII: 433]. Употребление слова ἀληθής в качестве эпитета для рукодельницы / пряжи побуждает спросить о смысле такого сравнения.

Слово χερνῆτις (χερνῆτος), образованно от χεῖρ (рука) и νῆτις (голодный, бедный). Сочетание этих слов означает «живущий трудами рук своих» и относится к бедному поденщику [3, с. 1343]. Слово γυνή указывает на особу женского рода. Почему Вересаев называет рукодельницу «пряхой», нам не известно. Но главное не это, а то, в какой взаимосвязи находятся «весы» (τάλαντον) и «несокрытость» (ἀλήθεια). Отсутствие прямого указания на род деятельности оставляет много вопросов. Но, скорее всего, речь идет вовсе не о возможности обмана в форме «обвеса», что оставляет не у дел характеристику «честности». Если в чем и состоит обвес, как древнейшее из рыночных искусств, так это в нарочитой демонстрации весового равновесия. Слово «добросовестность» поэтому ближе по смыслу. Но как моральная оценка отношения к делу, оно тоже не точно. Ведь можно быть добросовестным работником, но при этом не иметь чувства меры, в котором проявляется чувство подлинного. А именно об этом, как нам кажется, идет речь. Проще было бы сказать о рукодельнице, что она *внимательная*, т. е. не впадающая в забвение в процессе монотонного ручного труда (не выпадающая из дела), как, например, в случае пряжи, внимательно следящей за толщиной нити. Так и ахейцы, долго стоящие у стен Трои, не теряют бдительности и размерности воинского строя, а тем самым — настроения битвы. «Не скрывающая» здесь следует понимать не в том смысле, что рукодельница может скрывать что-то от других, а в смысле *пребывания в несокрытости для самой себя в качестве взвешивающей*. Об ахейцах же Гомер говорит как о пребывающих в несокрытости в качестве воинов, ровно стоящих в боевом порядке.

Слово «алетейя» в перечисленных примерах отсылает нас к *настроению*, к той особой настроенности на сущее, в которой осторожно раскрыто его присутствие-*вот*, его бытие. Поэтому и само требование гомеровских персонажей «говорить без утайки» вовсе не означает «быть честным», «правдивым». Оно имеет в виду способность не терять бдительность или внимательность в потоке времени, выхватывающем нас из состояния несокрытости и погружающем в заволакивающее облако λήθη. Когда в фильме «В августе 44-го» офицер СМЕРШа (Е. Миронов) допрашивает испуганного солдата, скрывающего нарушение дисциплины, он не обвиняет его во лжи. Он лишь спрашивает: «Ты что, забыл, Борискин?». Офицер прекрасно понимает, что сознание рядового настолько заперто страхом, внушенным «корочками» сотрудника НКВД, что тот просто не способен воспроизвести интересующие детали.

То хрупкое равновесие, которое раннее греческое мышление устанавливало между раскрывающим и раскрытым, смотрящим и «смотримым», помнящим и памятным становится предметом особой заботы философов осевого времени. Истина («алетейя») осмысливается как нечто устойчивое, непреходящее, вечное. Такое осмысление начинается с поэмы Парменида «О природе», в которой «алетейя» названа богиней и наделена эпитетом ἀτρέμεια (нешаткая, незыблемая, непоколебимая). Таковой она становится по отношению к ложному — шаткому и преходящему мнению. Происходит вторичный акт символизации ложного как падшего. Вместе с тем происходит отход от первоначальной связанности «алетейи» со сферой сокрытого и ложного. Само же ложное (ψεῦδος) переосмысливается в смысле не-истины,

т. е. как самостоятельный феномен. Иными словами, в процессе исторического разделения и противопоставления истинного и ложного ускользает, экранируется и в какой-то момент оказывается забытой их изначальная сущностная связь, а значит, и само понимание истины как внутреннего раздора и борения [12, с. 12–19]. Именно так мы интерпретируем слова Хайдеггера: «В своем начале эллинство не ощущало нужды специально размышлять о сущности ἀλήθεια и λήθη, и это является знаком той необходимости, которая над ним тяготела. Когда же в эпоху его завершения каким-то образом начинается процесс размышления «об» ἀλήθεια, именно это начало также становится знаком завершения» [9, с. 192].

Библиографический список

1. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
2. Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича. Л.: Наука, 1990.
3. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. М.: Греко-лат. кабинет Ю.А. Шичалина, 1991.
4. Гомер. Илиада / пер. В.В. Вересаева. М.; Л.: ГИХЛ, 1949.
5. Гомер. Одиссея / пер. В.В. Вересаева. М.: Художественная литература, 1953.
6. Homeri Opera // Scriptorum Classicorum Bibliotheca Oxoniensis. Ed. III. T. I–V. OXON II, 1902.
7. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9.
8. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Band I. A–Ko. Heidelberg, 1960.
9. Хайдеггер. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. И–О. М.: Олма-Пресс, 2001.
11. Платон. Собр. соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч., общ. ред. А.Ф. Лосева [и др.]. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
12. Разинов Ю.А. Истина как тяжба // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 4 (85). С. 12–19.

*Y.A. Razinov**

THE CONCEPTS OF «TRUE» AND «FALSE» IN HOMER

The article considers the opposition of True and False as the problem of Axial Age. Exploring the origins of the problem, the author refers to the works of Homer. The paper shows how in the course of historical separation and opposition between True and False essential connection between them escapes and is forgotten. Meanwhile, the analysis of Early Greek term «Aletheia» indicates a significant relationship between them.

Key words: true, false, Aletheia, right, truth, oblivion, axial age, Homer.

* *Razinov Yuriy Anatolievich* (razinov.u.a@gmail.com), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

